

Олю и Андрея встретила Лариса. Она поначалу даже не признала «негритят» вышедших из поезда.

— Мам! Ты что?

— Вот это вы загорели! Я-то выискиваю своих бледнолицых деток, а они глянь какие. Папка точно не узнает.

— А где он?

— Я его на другую должность перевела. Зарплата побольше, а трудоотдача меньш...

Диспетчером на разгрузочном терминале. Сегодня на сутки как раз заступил.

По должности Ларисе полагался автомобиль с водителем. Через несколько минут они уже заносили вещи в квартиру. Купание, ужин.

— Как вы тут без нас? Сильно скучали?

— Работа отвлекает от скуки. Бывает придёшь домой, ополоснулся, перекусил и к телику... Открываешь глаза, на экране рябь, за окном ночь. Вы то хоть хорошо отдохнули? Где были?

— Поначалу в Сочи тусовались. Все спортивные объекты посетили..., пофоткались. Ты же знаешь, как Оля любит позировать. Потом надоело. Мы же не привыкли к толчее, гомону. Сняли домик в посёлке Рыбачий. А там... Мам, ты нас не ругай... Нет, нет. Не убили, не украли. Мы вдвоём бляданули хорошенъко. — Это Андрей своей нелюбовью к иностранным и медицинским словам приучил своих женщин к обычному мату. Служалось, что сквернословие прорывалось и при обычном разговоре, но они всегда рефлекторно просили извинить их.

— Да, мам. Это я начала... Увидала два вот таких хуя. Ой! Но по-другому не назовёшь. Да, Дюш? Ну и выпросила у него подарок. Секс с одним из них. А потом его, Юрика, подружка втянула и Андрея. Мы оба бляди, да, мам?

— В смысле? Я и ты?

— Нет. Я и Дюша.

— Ну для мужчин нужен другой термин. Блядун допустим. И часто ты блядовала? — Лариса в первые годы ругала их за сквернословие, но затем сама приучилась гнуть матом.

— В последнюю неделю... Даже не считала.

— А ты любовничек, тоже так часто изменял мне?

— Да, мамочка, часто. Там такое место — не захочешь — развратишься. Может и вы с папой туда съездите. Там наши друзья остались. У них дом огромный. Платить только за общак питания. Там и ты оторвёшься как мы. Что у тебя кстати, с директором? Наладились отношения.

— На вашу откровенность отвечу той же монетой. Любовник оказался не ахти. Только о себе думает, поганец. Но за должность следует расплачиваться. Про отпуск подумаю. Лета ещё два месяца. Ну-ка оголитесь, гляну на ваш загар.

В день совершеннолетия Оли, Лариса устроила вечеринку с гостями и естественно обильным возлиянием. Гости всё допытывались, когда же Оля выйдет замуж. Ни разу не видели её с кавалером. Лариса пообещала гостям, что скоро Оля будет замужней женщиной. Гости ради этого выпили дополнительные порции спиртного. Супруг Александр не отставал от других. Так что, когда приглашённые покинули их квартиру, папа спал в спальне родителей.

Женщины быстро прибрались, Андрей растаскал столы и стулья, вернул ковёр на место. Ополоснувшись, Лариса и Оля ждали Андрея, чтобы сообща пожелать друг другу спокойной ночи. Мама и дочь стояли у окна, локтями оперевшись на подоконник, смотрели с высоты восьмого этажа на ночной город. Молодой человек втиснулся меж ними. Одной рукой задрал подол Ольгина халатика, а другой маминого. Пальцы нырнули вдоль полужопенок. Дамы как по команде расставили ноги по шире. Синхронно увлажнились расселины. А Андрей всё сильнее раззадоривал своих любовниц.

Оля наконец не вынесла и хотела, сказав маме «спок», чмокнуть, захватив Андрея, закрыться в своей спальне. Женщины выпрямились, разом повернулись к мужчине.

— Спокойной ночи, мамуль. — Оля поцеловала маму в губы.

Андрей тоже приложил губы к устам мачехи. Втянул их со страстью. Оля увидела, как мама вздохнула, будто добралась до источника в пустыне. Андрей притягивал обеих женщин за талию к себе.

— Спокойной ночи, мам. — Андрей наконец высвободил мамины уста.

Оля сама втянула уже набухшие губы мамы. Почувствовала, как Лариса начинает мять ей ягодицу. Другой рукой, Оля охватывала мужа за талию и услышала, как мамина рука сдавливает ягодицу Андрея.

Опустив руку, лежащую на пояснице мамы к её ягодицам, поняла, что и Андрей поглаживает мачеху. Пикантность ситуации заключалась в том, что Оля ещё не знала о связях Андрея и мамы. Она конечно пару раз замечала недвусмысленные взгляды мамы на Андрея и ответные его жесты. Слабый в вопросах аналитики ум в прелестной (по очертаниям) головке девушки, не смог составить уравнение с этими двумя известными ей людьми.

— Спокойной ночи, Андрюша. — Мама сама втянула губы парня.

Оля ощущала пальцами, как ладонь Андрея приподнимает подол маминого халата, как, впрочем, он делал и с её одеждой. Мамина ладонь нырнула под резинку штанов Андрея, а вторая помогала задирать Олин халат. Молодая чуть повернула бедро к паху мужа. Так и есть — член уже маячил...

— Спокойной ночи, доченька. — Мама поцеловала Олю. Поцеловала именно как лесбиянка — пылко и властно.

Чья-то рука полезла к узлу на халате молодой. Потянула за пояс. Затем... (Это точно была рука Андрея...) оттянула ворот халата с плеча Ларисы. Она, слегка подёргав плечами обнажилась. Оля опять перевела внимание на область таза Андрея. Мамина рука уже хозяйничала по ЕЁ, Ольному, родному пенису. А муж раздевал именинницу.

Хотя её вначале шокировали такие ласки родных людей, Оля, опьянённая не только страстью, но алкоголем, разблокировала свою психику. О последствиях она подумает потом, а сейчас... Сейчас она встала на колени и целуя низ маминого живота, стягивала с Андрея штаны. Мама так же опустилась к паху пасынка, взяла в ладони член и поднесла ко рту дочери.

Оля будто впервые касалась пениса — вытянула жилом язык и слегка лизнула каналец. Смущённо улыбаясь поднесла язык к губам мамы. Женщина пососала самый кончик жала, затем всосала головку, будто обучая дочь оральному удовлетворению. Доча быстро «обучилась» — погрузила пенис до нёба, повертела головой, резко отдернула, создав хлопок шампанского. «А так можешь?» читалось в глазах мамы. Она пропустила головку в горло, слегка покряхтела, расслабляя его. Доча победила — заглотила без кряхтения и слёз на

глазах.

- Ну уделала, уделала. Красавчик, правда? — Лариса всё ещё полизывала головку.
- И хуй тоже красавчик. И муж у меня — самой завидно. Дюша, ты не против если мама с нами пошалит?
- Ну-у-у, после того как вы обе ублажали орально, я просто обязан отплатить вам обеим. Но как мы будем делить нашу мамочку?
- Мы с мамой лесбиянки. Так что она про нас с тобой всё знает. Как ты ломал мне целку видела на видео.
- Да-а-а? Мамочка, на сколько ты оценила наш обряд?
- О-о-ох, сынок. Если бы со мной так же поступили, я бы умерла от счастья... Первая брачная ночь. Я дрожу, Олин папа тоже. Только проткнул плеву, сразу кончил. А у вас видишь, как долго.
- А меня как будете делить? — Хитрый взгляд в глаза Ольги.
- Я не жадная..., тем более для родной мамы-любовницы.
- Доча, я опять вся дрожу. Ты не будешь против если я первая?
- Щас камеру настрою и тоже сниму вход в тебя.

Мама целуется с зятем. Мачеха придерживает ноги, а пасынок направляет член в её сторону. Пенис погрузился во влагалище. Ещё с десяток снимков успела сделать Оля прежде чем, отложила гаджет и полезла целоваться, ласкаться.

Всё!

Далее произошло то что на годы связало их как троицу откровенничающих любовников. С этой ночи берёт начало новая эра в отношении к Александру. Если любовники желали кутежа, то поили его либо алкоголем, либо сноторвным. Он и забыл, как трахался с Ларисой под аккомпанемент сына и падчерицы. Если у него появлялось желание опорожнить яйца, то Лариса с удовольствием исполняла роль прилежной супруги.

Так как Лариса теперь делилась с детьми всеми своими интимными связями с коллегами, то заметила, что подобные речи распаляли и дочь, и пасынка, она стала применять подобный приём в начале оргий с Ольгой и Андреем.

На её день рождения молодые подарили ей вибратор. Конечно это было не без умысла со стороны Оли. Один член, пусть даже желанный, изученный под рентгеном серых глаз, ещё и ныряющий в вагину мамы, уже приелся. В первую же ночь, когда они усыпили Александра, резиновый заменитель фалдуза два раза требовал подзарядки аккумуляторов. Вот так они и жили... До настоящего...

Загар лежал на обоих отпускниках ровным слоем. Абсолютно всё тело отливало красной медью.

— Ну-ка прилягте... Письку раскрой... Ты и там загорела. А у тебя... Ну ты хоть под яйцами белый. Как я по вам соскучилась, детки. Ну давай, рассказывай, доченька-любовница, как блядовала, в каких позах и сколько раз.

- Мам, меня в попу ебали.
- Андрей опять первопроходец?
- Не-а.
- Точно — блядь! Сынок ты то хоть побывал в этой дырке?
- Несколько раз...

- Ну, и что, блядёшка, классно?
- Сама попробуй. Потом поделимся впечатлениями.
- А может я там не целка?
- ЧТО-О-О? — Разом спросили дети.
- Шучу. Предлагали пару раз. Но я для Андрюши сберегла. Не то что ты, дочь, жена, любовница наша.
- Так меня можно сказать без спросу выебли. Дюша, тащи лубрикант... Не понял, что ли намёк?
- Тихо, тихо. Я сегодня не готова... Мне надо...
- Мам, я тебя щас сама изнасилую Жорой.
- Даже так... ? А давай сначала я тебя... А Андрей уже потом меня?
- Роняя капли влагалищных выделений, Оля побежала за вибратором Жорой, и лубрикантом. Пока она доставала из тайника фаллоимитатор, мачеха-тёща, изголодавшаяся по любовнику, потянула его на себя. Андрей перенял привычку у Юрки — медленное начало и энергичный конец коитуса.
- Ну вот! Они меня не дождались. Я первая хотела маму... Кто из вас мне письку вылежит... ? Да, ма, хочу, чтобы ты... , ага соскучилась.
- Оля присела над лицом мамы, подставив таким образом анус под взор мужа. Дочь будто трахала членом маму в рот, двигала только тазом. Андрей, чем обрадовал её, загнал палец в анус супруги. Мама, вылизывающая вульву, супруг ласкающий сфинктер, опрокинули обессилившую Олю в трясину оргазма. Она так и свалилась на подушку, одну ногу закинув на спину Андрея, который продолжил ублажать мамочку, которая в свою очередь охватила любовника конечностями, страстно постанывая и энергично подмахивая, дождалась своего отлёта в страну сказок, полную неги и блаженства.
- Мам, по-моему, он тебя лучше... ебёт чем меня.
- Андрюш, ты почему меня лучше... , чем её?
- Это ей сейчас завидно. Помнишь, как она в первые дни хвасталась что я её лучше трахаю чем тебя... ? Хотя тут нужно определить первоначало. Кто кого трахает. Возможно, что это вы меня ебёте, а я всего лишь ублажаю вашу похоть.
- Правильно, сынок. Это мы тебя... ебём. Так что, доченька, ты сама плохо сношаешь нашего любимчика.
- Какие вы у меня умники. Прям завидно... Что-то мне даже расхотелось...
- Оставим тогда до пятницы. Как раз папа на смену уйдёт, мне в субботу не на работу.
- Ма, а тебе тётя Валя не звонила... ? Как там Аня... ? Мы её с Дюшой однажды ночью трахали. Я такие засосы на ней наделала. Утром увидела — самой страшно стало.
- Валя промолчала... Андрюш, как тебя моя племянница?
- Такая же страстная штучка, как и вы обе. Видимо это у вас кровное. Тётя Валя такая же?
- Шустрее меня Валька. Несмотря на то что она на полтора года младше меня, к половой жизни преступила со мной одновременно. Стойте! Даже на несколько часов раньше. На моей свадьбе это было. Да, да. Выкraли меня мои подружки, спрятались со мной в чулане. Тут слышим Валька с каким-то парнем вошли в дом, там походили. Потом слышим, что она уже постанивает от лобызаний, шепчет парню, что не хочет вот так, в доме родителей жениха. А стоны и шёпот становятся громче. Мы дверцу чулана приоткрыли, никого не видим, а они оказались за деревянной стеной, заглянули мы туда. Там деревянная лавка, на ней уже лежит

сестра моя. Трусы на одной ноге весят, а парень уже пристраивается. «Так ты целка!». — говорит ей. — «Чего же раньше не сказала?», «Изнемогаю, ебаться хочу!». — ответила Валька и задрала ноги к потолку. Потом мы опять в чулан спрятались. Нас нашли другие гости. А за стеной притихли Валька с парнем. Но ты, доченька опередила Аню. Это я точно знаю. Валька рассказывала.

— Это я уже знаю... , она сама рассказала. Когда и с кем. Позорница Анька. Как Эмка Герауф, в подъезде, раком её распечатали. У меня самая классная дефлорация была. А ты тогда с подружками не начала целоваться?

— Не-е-ет. Но награни оргазма находилась. Это же не современные порнофильмы. Там всё натурально. И звуки, и запахи. Парень, конечно, попался серьёзный, как настал срок, расписались они... Да, это был дядя Коля.

— Мам, ну если надумаешь ехать, то только в Рыбачий. В доме у Веры столько ебарей. И как Оля уже говорила у двоих из них члены за двадцать сантиметров. У Вадьки ещё и толстый в придачу.

— А мне Юрка понравился. Такой выдумщик. То медленно трахает, то как автомат строчит. И папке там найдётся пизда. Даже казашка есть. Может он и её чпокнет.

— Ага, значит подразумевается, что он тоже будет... ?

— Ну ты же будешь, мам. Как-то не справедливо будет. — Оля заступилась за отчима.

— Тогда сейчас почему не борешься за справедливость?

— Ну он же пapa. Пусть не родной.

— Так и я Андрею так же довожусь. Однако же сплю с ним...

— Это что намёк, что я должна с ним?

— Как, Андрейка, позволим ей?

— Мам, она там, в Рыбачьем, уже перепихнулась с мужчиной твоего возраста. Ну, колись, давай, понравилось с Виктором?

— А ты откуда знаешь?

— А ты забыла, как мы в прятки играли?

— А-а-а. А я это не считала за измену. Тогда — да. Понравилось.

— Ну-ка расскажи, как было. — У Ларисы вспыхнуло свежее желание.

— Затенили комнату, четверо мужчин и столько же женщин. Женщины цокают языком, а мы их ловили. Её поймал Виктор, отец Юрика.

— А в первый раз он мне не понравился... В вигваме. На пляже. Ты любезничал с Ульянкой, а меня Ленка обманула, сказала, что у её мужа член ещё больше чем у Юрика. Кончил быстро. Хорошо хоть ты рядом был, спас меня.

— Вот теперь ты точно — блядь. — В унисон сказали любовники. — И жопа у тебя в тот момент уже была расколота. — Добавил Андрей.

— А я и не отрицаю — я БЛЯДЬ. Помнишь ночь после оргии на берегу... ? Алёшка меня в то утро...

— Это с ним гондон последний истратила?

— Нет, Дюша, нет! Мы в попку только. Гондоны ещё вечером кончились.

— Ой, бля! Завтра же еду в ваш Рыбачий. Как интересно вы там проводили досуг... Так значит ты не против, если твою жену поимеет твой пapa?

— Так значит ты не против что твой муж поимеет твою дочь? — С такой же интонацией переспросил Андрей. — Я не против. Вот только надо ли это нам?

— Не вечно же его опаивать снотворными и алкоголем. К тому же у него наступает период, когда нужно позаботиться о мужском здоровье.

— Значит твоё согласие есть. Теперь тебя послушаем, изменщица.

— Я с твоего разрешения начала, а ты с Улькой без моего. Сам изменщик... или изменник? Предатель! Вот!

— Ладно! Оба хороши. Андрюш, поставь-ка её раком, да намажь жопу смазкой, я её сейчас выебу за это... За грубые слова в отношении мужа, вот за что.

— Ма, ты сначала в анусе пальцами пошоркай... Ага... Теперь я разведу ягодицы, ты запихивай... Да разработано уже там. Больше Жоры хуи ныряли... Стоять, сучка, не шевелись.

— Андрей больно шлёпнул Ольгу по ягодице.

Новый вид раздражения всхлестнул возбуждение супруги до небес. Она громко застонала, сама напяливаясь на резинового дружка.

— Подвигай туда-сюда... Видишь, как тащится наша любимая. Сейчас я и клитор помассирую...

— Оль, что правда хорошо?

— Ма-мо-чка... , слов нет... , я в восторге. — Ольга, забрав у мамы имитатор, перевернулась на спину. Подкидывая ноги раскрывала вульву как могла.

Андрей окончательно возбудился, ему хотелось сейчас же вторым членом войти в раскрасневшуюся вагину супруги. Но его перехватила мама. Она припала устами к влагалищу дочери, широко расставив свои бёдра, намекая на то что она готова к анальному соитию с пасынком. Хотя тюбик с лубрикантом лежал рядом, Андрей не применил химию — влагалище его первоженчины испускало столько слизи, что вполне хватило помазать весь анус и пенис. Расширение сфинктера пальцами продлилось всего пару минут. Лариса прекратила лизать промежность дочери, вслушалась в ощущения сравнимые с дефлорацией. Распрямление венца головки, прошедшего через сфинктер, сыграло роль разрыва плевы. Женщина нежно застонала, выгнула поясницу в лордоз, подстраиваясь под боль. Стало больнее. Изогнула спину мостиком — стало гораздо лучше. Член в заднем проходе погрузился до упора. Мужчина спросил об ощущениях и можно ли продолжать. Сладкое: «Ага!» похожее на выдох наслаждения, коррекция осанки, болезненные всасывания нежных губок дочери, вызвавшие в свою очередь стон Ольги — такова цепочка действий и звуков.

Две женщины громко оргазмировали, перекрывая ор друг друга матерными словами, вспыхивающими в их возбуждённых сознаниях.

— Еби меня... , сучку... , еби меня... блядёшку... , вылизывай свою прошмандовку дочь!

— Трахай меня... , сынок... , еби свою первую женщину-блядь... , родной... , засаживай сильнее... , не жалей свою сучку, Андрюшенька!

— Укуси... меня за пизду... , мамочка! Откуси мандятину.

Троица наконец разрядилась мощью урагана. Жора вылетел «першингом» из «шахты» Ольги. «Шахта» ме-е-едле-е-енно закрывалась сфинктером. Мамин анус исторгал из себя протеин в чистом виде. Но любителей такой живительной субстанции в комнате не нашлось. Пока.

— Заебись, ма?

— Заебись, доча... Значит, говорите, проживание бесплатно.

— И ебут тоже бесплатно, мамочка. И с мужика тоже денег не возьмут...

— А вот вы мне в глаза оба посмотрите... Я сказала — в глаза. Что ты там сказала, что ты его

первая женщина... ? Ёб вашу мать. Дюша! Мама! Я же вам доверяла! А вы... Предатели... Значит ты сначала с ней, а уже потом со мной? Гад! Убью, блядь! — Ольга соскочила с постели, начала искать чем бы... Да! Уебать Андрея.

— Лови её... Держи. — Андрей сильно держал обе руки, и одной ногой переплёл её ноги.
— Сука! Значит мне не приснилось как ты в первую ночь ебала моего мужа! И тебя тоже убью. Пусти меня... Предатель! Пиздюк!

Лариса уже принесла воды, сначала брызнула на лицо дочери, затем напоила. Постепенно Ольга затихла. Истерика перешла в плач. Некрасиво морща подбородок, сгребая морщинки на лбу, она лила потоки слёз. Громко до икоты всхлипывая, всасывая текущие сопли обратно в нос, успокоилась. Постепенно она положила голову на плечо мамы, а рукой держала ладонь мужа.

— Оль, дочка. Прости меня, это я во всём виновата. Я его соблазнила.

— Но только для того чтобы обучить меня, любить тебя, родимая моя жёнушка. Мы из добрых побуждений. Ведь тебе понравился наш первый акт... ? На, любимая, вытри носик... Фу! Кяёй не клясивий баклазян!

— Сами вы баклазяны. А что сразу не сознались, когда мы уже откровенничали?

— Да как-то не подумали, что это важно.

— А потом как часто вы... ?

— Иногда раз, иногда два раза в неделю. Но ты ведь не была обделённая. Неправда ли?

— Не обделённая... Больше ничего не забыли мне рассказать?

— Этой весной я трахал пидора.

— И я при этом присутствовала.

— Всё... ? Потом поподробнее расскажите... Его значит научила. Теперь давай меня учи.

— Чему?

— Как к папе подступить.

— Да-а-а. Это проблема. Как бы инфаркт не схватил его от неожиданности... Я завтра на работу. Андрей будто спит ещё. А, ты, как он придёт, выйди к нему, поцелуй как всегда в щёчку. Он попросит показать, как ты загорела. А у тебя под халатиком только трусики. Скидываешь его, крутишься и вдогонку снимаешь плавочки и показываешь где у тебя ещё загар. Потом он пойдёт купаться, ты халатик надень и приготовь ему завтрак. Он из душа выходит в банном халате... Ах да, знаешь. Посади его кушать, а сама вейся возле него, прижимайся и говори, как соскучилась. Можешь ему на колени сесть. Как почувствуешь его возбуждение, встань и погрози пальчиком, но с блядской улыбкой. Позови Андрея, скажи, что ему нужно идти куда-то. А уж как Андрей уйдёт, то... Сама не лезь, но и не отталкивай. И не перебарщивай мне. Помрёт ещё наш папенька. Нам же он дорог... ? Вот. Постепенно. Не торопясь. Как мой план, Андрей?

— Не идеален, но для папы подойдёт. Оль, ты иди первая ополоснись. А мы постель перестелем.

— Ма, ты тоже со мной рядом полежи, пока я не усну... , дура такая. Сейчас как подумаю, а вдруг чем-нибудь ударила бы вас. Аж мурашки бегут. Простите меня.

— Иди, наша любимая. Прощаем.

Лариса, уходя на работу разбудила детей. Ещё раз поинтересовалась у Ольги не передумала ли она. «Нет!» — прозвучал ответ.

Александру сегодня ночью повезло. Грузы забрали вначале ночи, в десятом часу. Ему удалось не хило поспать за зарплату. И настроение у него было отличное — вчера приехали дети. Супруга отозвонилась, когда встретила их на вокзале.

Ему навстречу вышла «заспанная» падчерица. Она, застёгивая халат, вышла из спальни.

— Папка! Здравствуй, родной мой... Ой! Тихо! Андрей спит... Да в поезде не спал. Иди, прими душ. Я тебя покормлю.

— Ну ты дай хоть на тебя наглядеться, лучик мой. Загорелая как мулатка.

— Ага. Вся-вся. Вот! — Оля скинула халат, волной взмаха обдала отчима своим запахом. Папа хотел остановить её, но пришибленный ароматом свежести, запнулся на полуслове. — Видишь? Без купальника загорала. И Андрей такой же. Даже вот тут. — Оля исполнила учение матери — опустила трусики ниже колен, а дальше они сами съехали. — Вот даже писька, загоревшая... Посмотри, как красиво лёг загар, равномерно. Правда же... ? — Ступор в котором находился Александр вначале испугал Ольгу, она вспомнила наказ матери не переусердствовать. — Ой, па, извини. Ты же кушать хочешь, а я тут писькой свечу. Иди ополоснись, я Андрея разбужу. Ему в контору надо по делам к десяти.

Тяжело перешагивая через свой «хобот», Александр пошёл в ванную. Вспышкой фотокамеры стояли в глазах трепыхающиеся перси Оли, промежность с узенькой щёлкой. Фигурка девушки, когда она согнула спину и приподняла ногу, будто сама любовалась своей прелестью. И главное! Её свежий, натуральный, не скрытый ароматами парфюма, запах молодой женщины. Он воздействовал на мозг, как карусель, кружил вестибулярный аппарат, от чего мужчину, находящегося в состоянии опьянения запахом, покачивало.

Аромат женщины, которую уже можно сношать без боязни получить срок за растление, поднял сердечный пульс на порядок.

Александр припомнил как одёргивал себя в первые годы совместной жизни сына и падчерицы. Как трахал Ларису, а в мыслях совокуплялся с девочкой. Как уже однажды решился войти к ним в спальню, когда супруга и сын отсутствовали. Но какие-то силы сдерживали мужчину. Мораль? Этика? Боязнь кары? Как со стороны супруги, так и закона. Закона гражданского и небесного.

И вот сейчас он почувствовал свободу от всех запретов. Пропуская сквозь сжатые губы воздух, мужчина напёрдывал марш Победы из кинофильма «Белорусский вокзал», тщательно соскоблил щетину. Повыдёргивал волосы из ноздрей. Обмыв каждый квадратный сантиметр тела мыльными принадлежностями, накинул халат. Ещё раз взглянул в запотевшее зеркало, поставил своему виду твёрдую четвёрку и вышел из ванной.

— Здравствуй, па... Мы тут вам с мамой сувениры привезли. Вчера забыли...

— Да ладно, сынок. Потом. Здравствуй мой, дорогой. Тоже загорел. Оля, дочка, мне кашку только... , ага, спасибо, любимая. Оля говорит тебя уже на работу зовут?

— Ненадолго, на пару часов... ну может на четыре. — Супруга уже рассказала Андрею о первых секундах обнажения перед отчимом, он хотел сам трахнуть Ольгу, но... — Ладно, я побежал. Любимая, не скучай... Да, ты, мне тоже за отпуск надоела... Шутишь... ? Так и я не серьёзно! Пока. Па... ! Пока. Ольга кормила отчима. Подставляя еду, притиралась окружостями его плеч. Аромат свежести исходящий от молодой женщины, дурманя сознание Александра, рисовал ранее не позволительные фантастические возможности.

— Па, вот ещё сладостей оттуда привезли... халва азербажаная. — Ольга встала с правого бока отчима, наклонилась открывая запах халата, показывая правую грудь.

— Азербайджанская? — Мужчина увидел то что ему показали, сглотнул слону.

— Да. Я не могу выговорить. Я так по вам с мамой соскучилась... , по тебе сильнее. — Молодая женщина, провела ладонью по начавшим седеть волосам. Шерстинки на позвоночнике Александра, взъерошились, поднялись как при оскале животного. — О-о-о. Да ты вкусно пахнешь. Для мамы так надушился?

— И для тебя моя, сладенькая. — Он позволил девушке сесть ему на колени. — И щёки... потрогай какие гладкие... Пальчики у тебя нежные какие. — В первые годы жизни с Ларисой, играя с Оленькой пугал её щетиной. Оля кричала: «Ключий!», отбегала от отчима. А если игра случалась после бритья, то девочка ласкалась, «бодая» Александра лбом.

— А можно я щекой о тебя потрусь... ? Действительно... не царапаются. — Молодая женщина прислонилась грудью к мужчине и как кошечка потёрлась щекой о лицо. Он плотнее прижал тонкий стан к себе, принюхиваясь к аромату зрелой молодой самочки. Пока она не отклонилась успел сделать три глубоких вдоха. — Как у Андрея, когда он ещё не брился. Мне так нравилось теряться об его лицо... Папочка, мы с тобой наедине почти не оставались. Я не могла выказать тебе свою дочернюю любовь. А вот эта разлука на месяц вызвала тоску по тебе и маме.

— И я об этом сожалею. Что не мог тиснуть крохотуличку за щёчки, красные с мороза, за попку, сверкающую из-под платьица. А теперь ты уже большая, замужняя женщина. Совсем зрелая. Прямо персик сочный.

— За попочку? Что часто сверкала ею? — Два сердцебиения гулом аккомпанировали диалогу людей, жаждущих секса.

— Не часто. — Мужчина облизнул высохшие губы — они подготовились к увлажнению соками самки.

— Па-а-ап, дава-а-ай не будем... А то у тебя эрекция..., а мама только вечером придёт. Ведь у тебя встал... ? На меня... ? Шалунишка ты мой. Папочка... , дай я встану... Ну, па... Сиську мою раскрыл...

— Так ты же сама показывала давеча.

— Это ведь я загар показывала, а не сиськи-письки. — Слова-колокольчики — «сиськи-письки» звеня в сознании мужчины, подстёгивали пульс. — Там, где мы загорали... , на нудистском пляже, все ходили голышом.

— Покажи, как...

Ольга, погрозив пальчиком, встала. Под халатом, как боялся Александр, бельё отсутствовало. Смыкая лопатки, Ольга расправила грудь. Даже солнце вышло из-за облаков, чтобы подсветить и подсмотреть красоту девушки. Лучи солнца, искривляясь в оконных стёклах, магически подсвечивали разные участки загорелого тела Оли. Соски в шоколадном обрамлении ареол, торчали хоть вешай на них одежду. Внутренняя сторона бедра блестела в лучах влагой. Девушка провернулась на носочках — тени таинственно приманили взор к идеальной попке, с малюсенькими курдючками. Изгиб позвоночника, притеняясь и освещаясь, создавал оптическую иллюзию, кружка голову отчима. Две ямочки над попкой, то скрывались, то вновь озарялись солнцем, призывали замерить их глубину. Вздёрнув левую руку вверх, показала загорелую подмышку, правой ладонью погладила там, затем опустила к груди, приподняла её, слегка сдавила, выдавив ареолу сквозь пальцы. Пенис мужчины подёргиваясь, тёрся о ткань, старался выпорхнуть на волю и выпустить каплю феромонов.

— Мы маме сказали, чтобы вы тоже поехали туда. А то ходите бледнолицыми... Ну-ка, сними

халат, стань рядом, сравним мою загарелость с твоей.

— Доня, я не могу... У меня стойт... Стыдно...

— Ой, па. Да я же уже видела, как у вас стойт. У меня тоже вон соски стоят, так что закрываться? Там многие мужчины ходят со стоячими... хуями.

— А вдруг мама или твой муж вернутся?

— Па! Ну ты что. Мы же просто сравним загар... — Ольга остановилась, увидев искажившееся лицо отчима. Подумала, что у него плохо с сердцем. Но это оказалась боль от сдавливания яиц сдерживающая эякуляцию. — Извини, это я всё не привыкну, что нахожусь дома. Ещё чай будем пить? — Не надев халата, женщина налила остывшего напитка.

— Бу-де-е-ем... Сядь мне на колени... Какая ты свежая, молоденькая. Чуть привстань... член поправил... Ага.

— Хи! Не постеснялся — сказал. Па, ты даже Андрею не говорил, как ты первый раз... Она молоденькая была?

— Гхм... — Александр прокашлялся. Не такой вопрос он ожидал от падчерицы. Но миг подумав, решил, что это также эротично. — Это было на службе в армии. Мне гланды вырезали. Медичка делала мне, ну не только мне, уколы. Халат белый-белый, с голубизной. Сквозь него просвечивались белый лифчик и белая юбочка, в синий горошек. Когда я смог говорить, попросил поцелуй. И ты знаешь она не отказалась. Сказала потом что сама на меня запала. В её ночное дежурство, я дождался равномерного храпа соседей по палате... Она ждала меня. Так и сказала, мол была уверена, что я приду. Я тебя за грудь возьму... Да такие же сисечки у Лизы... , эх. — Издав вздох сожаления за потерянные годы, мужчина продолжил. — А вот письки в то время не брили. Я давеча глянул — обомлел, ни разу не встречал женщин с лысым лобком, как у девочки. И щель видна... Пусти-ка меня... Да, Олеся, и губки на пизде, ой, извини. И губки такие же мягкие. Мне жарко в халате... — Мужчина просто откинул с плеч одежду. Оля выпустила из-под попки полы — отчим оказался полностью нагим. Жёсткий волос на бёдрах мужчины царапал нежную кожу на ляжках женщины. Пенис горделиво опёрся о бок Ольги. — И влага... и влага текла по бедру к колену... Дай лизну... М-м-м-м. Господи, какой аромат! — Капля влаги оставаясь на верхней губе теперь постоянно ласкала обоняние.

— Пап, я вот так сяду... Ничего? — Оля села, опустив ноги по разным сторонам бёдер Александра, лицом к нему.

Положив свои предплечья на плечи отчима, посмотрела вниз — пенис тыкался в район пупка, измазывая животик предэякулятом. Кожный покров мягче бархата, отираясь о тело мужчины, напрашивался на ласку ладонями. Поглаживая двумя ладонями попку девушки, перемещал их на внутреннюю, более нежную сторону бёдер.

— Возьми его рукой... Да, и у Лизы такие же нежные объятия хуя. И у тебя льётся из пизды. Раньше, до начала половой жизни детей, Лариса ругала Александра за сквернословие, но постепенно мат вошёл в их жизнь. Временами при буйном коитусе из спальни детей слышались вначале негромкие, а затем кричащие скверну голоса Андрея и Ольги. Лариса также в пылу страсти начала применять крепкое словцо, когда надо сдерживающее эякуляцию, или, когда требовалось ужесточить соитие, матом призывала к темпераментному окончанию.

— Ещё бы не полилось... , когда такой мужчина... , рассказывает интересную историю. Я ведь не фригидная... — Мужчина прижал попку дочери к себе. Мошонка прислонилась к губкам. —

Па, может уже прекратим... ? Боюсь я... — Ольга действительно мандражировала, находясь на пике возбуждения, казалось, что она трясётся от страха. — Боюсь, что привыкну к тебе как к мужчине, боюсь, что мама узнает и будет нам обоим... пиздец. С Андреем ты может и уладишь, а вот с супругой вряд ли.

— А-а-а, семь бед — один ответ. Я тебя захотел ещё со дня, когда вы с Андреем сошлись. Приподнимись, ладушка... — Молодая женщина приподнялась, приподняла таз к мужчине, он чуть отклонил член от живота. Пенис вошёл в райские врата, как в родные. — О-о-о-ох... , хорошо то как! Тепло и влажно. — От кайфа мужчина даже прикрыл глаза.

— У Лизы... такая же узкая была? — Оля плотно прижалась к волосатой груди отчима — шевеление таза падчерицы вызвали стон мужчины.

— Твоя..., твоя. Ты бесподобна моя... , сладенькая... — Шёпот-стон теперь дразнил девушку, она начала совершать движения тазом. — Мой ангел... , моя душа... Что же ты со мной делаешь... , любимая? Как мне теперь... жить без... твоих ласк? — Ты ж мой папенька... , ты ж мой родимый мужчина... Давай еби меня, как ебал Лизу. Стань опять солдатом срочником... И, папочка, можешь кончать в меня... сегодня можно. — Последние слова были наиболее приятны омолаживающемуся самцу, сразу освободили «процессор» от не нужной мысли.

Мужчина отодвинул посуду на столе, уложил девушку на него и поднял ноги на свои плечи. Созерцая как член двигается в узкой щели, наслаждался жаром и влажностью женской полости, как легко покачиваются великолепные груди, как девушка закатила глаза принимая первые полноценные фрикции. Воздух, смешавший женский и мужской аромат, поднимаясь от промежностей окончательно одурманил Александра — как не контролировал себя, а удержаться мужчина не мог. С искренними нотками сожаления в стоне, с радостью воспоминаний о первом соитии, извергся в желанное лоно.

— Доченька... , не удержался... Ты как?

— Замечательно, мой родной. — Ольге, прекрасно разыгравшей соблазнение папы, действительно понравилось соитие, ассоциируемое в головушке с обрядом дефлорации. — Ой... , а накончал-то... , будто месяц не опорожнял.

— Почти месяц... То я устану, спать хочу, то мама прихворнёт. Всё никак не совпадут с ней наши желания и возможности... Ага. Я уберу то что накапало, иди, сладенькая моя.

Мужчина обтёр ламинат от капель спермы и Олиных выделений. Зайдя в ванную полюбовался, как Оля омывает промежность. Над умывальником омыл член. Помыв руки, помог женщине перешагнуть борт ванны, отёр полотенцем тело.

— Ты недорассказал. Лиза девственница была? — Они, сидя рядом на лавке рундука, продолжили чаепитие.

— Нет. Она уже замужняя была. Изменяла ему за его измены. Это была последняя ночь перед выпиской. Откровенничала со мной, после того как выпили разведённый спирт. Спросил её уверена ли она в изменениях мужа. Лиза поплакала, вспоминая известные ей случаи. Говорила, что как только закончит обучение на врача, то разведётся и уедет с каким-нибудь офицером... Потом другие солдаты попадали в это отделение и практически все ебали Лизу. Мне было больно слышать такое о моей первой женщине, хотел пойти в увольнение и поговорить с ней. Предложить уехать со мной в Саратов... Отговорил товарищ мой. Сказал, что у таких женщин измена мужа лишь повод самой блудануть... А в ту ночь... я ей ещё пару палок кинул... Да, да. Тогда я был молод, так же часто как Андрей мог ебать... Э-э-эх! — Мужчина опять издал стон искренности. — Оленька, родная моя, вот не поверишь... Если сейчас скажут, за этот твой грех

ты достоин казни — спокойно положу голову на плаху. Ты так осчастливила меня.

— Живи, папуль. Радуй меня, как в первые года после трагедии уделял мне гораздо больше времени чем сыну, старался честно заменить отца. И то что сейчас произошло, лишь мизер, что я могу тебе вернуть. — Иногда она удивляла всех внезапными, ясными, правильно построенными фразам. Это происходило в такие минуты, когда она становилась серьёзной, без доли юмора в ясных глазах. Стоило ей заговорить о пустяках, сексе, так речь пестрила нецензурщиной, жаргонными словечками. Вот и продолжение её монолога началось с похабщины. — Па, и что в твоей жизни не было целок?

— Увы, доня. Мать Андрея я встретил уже после службы. И остальные...

— Ты, говоря «остальные» подтвердил мои догадки. — я догадывалась что ты изменял обоим жёнам. Много раз?

— Первой... два раза, Ларисе... , если тебя не считать — пять. Да это даже не изменения, так сунул-вынул. Чисто «высморкался» и всё. Равносильно тому как выйти на площадку и бзднуть там. К вам — к жене, детям я возвращался всегда, на баб деньги не тратил.

— Со мной тоже высморкался?

— Нет, Олюшка, нет. Я годами лелеял мечту... полюбить тебя как женщину. И теперь буду стараться как можно чаще нырять в мою девочку, добавлять к любви Андрея капельушку своей страсти. Ты ведь любишь трахаться?

— Да-а-а-а, папочка, люблю. Я не слишком развязная? Не кажусь блэдью?

— Бладью называют совсем уж распущенную женщину, которая ложится под забор и ждёт, когда её того... А ты любвеобильная женщина.

— Папочка! А мою целку... ? Хочешь?

— Это как? Ты же не девушка уже. Сам только проверял...

— В попу... Я там ещё...

— Сама надумала или кто просит?

— Просит. Сын твой. Я сейчас думаю хватит с него одной целки.

— Ебал я одну. Не понравилось... Говном воняет.

— А если я подготовлюсь? Опорожню кишечник.

— Нет! Нет! Нет! И ещё сто раз НЕТ! Ты же мой ангел, душа моя. А я тебя в жопу?

Извращённо? Лучше убей. Нет! Доченька, лучик мой, счастье моё, сердце тела моего. Ни давайся никому, ни мужу, ни мне... Ну и если любовник появится, то и ему не давай туда. Ведь где-то должен быть предел тому что считается нормальным и где начинается беспребедельное извращение. В рот, в жопу, садистские и мазохистские. О малолетках вообще молчу. Что дойти до того чтобы вступать в половую связь с младенцами? Ты, пойми, родимая, чем больше ты будешь извращаться, тем сильнее тебя потянет к другим извращениям. Пидоры, блэдь! Скотоложцы, сука! Их то, посмотри, сколько стало. Ты хочешь такой участи своему ребёнку? Чтобы его в подворотне за конфетку ебли?

— Папочка! Стой! Остановись, родимый мой. Успокойся... Давай чаю выпьем... Я с ромашкой привезла. О! Кто-то звонит... Мама. Да... Мы с папой чай пьём, по душам говорим... Хорошо, мам.

— Доня, ты халатик надень...

— Я в шортиках буду ходить. Без верха. Там привыкла лифчик не надевать. Мама на обед домой приедет. Где там мой любимый муж... ? Алло. Дюша, ты, когда домой... ? Во и мама на обед тоже... Ага... Один... Не знаю... — Ответила на вопросы: «Бросил палку?» «Сколько?»

«Будет ещё?». — Ну и хорошо. Передам. Папочка, они приедут на маминой машине к часу. Ты уже успокоился?

— Нет. На душе погано. Называю тебя ангелом, а не удержал похоть свою.

— Значит это была всего лишь похоть... ? — Нотка гнева ударила по сознанию мужчины. — А если бы со мной были ещё такие же женщины, как я. То меня выбрал бы?

— Выбрать только одну? И на один раз?

— Да одну. Но можно не на один...

— Тебя, родненькая, тебя любимая.

— Потому что я тебе не чужая. Любимая, родная. И ты для меня тоже не чужой. И из сотни таких мужчин, я выбираю тебя... А что ты там сказал насчёт любовника, который у меня может появиться? У тебя какие-то мысли есть о женских изменах?

— Увы, мой свет, увы. Все мы люди, все мы люди. У всех в башках крутятся бесята, внушая нам похотливые идеи о преимуществах другого. Как говорится — в чужих руках хуй всегда толще. Когда-нибудь и ты захочешь сравнить возможности мужа и другого мандюка.

— Ты считаешь все женщины сравнивают мужчин? Даже мама?

— Подозреваю и её. Она ведь у нас красавица, мужики наверно толпами ходят за ней, обсыпают пятки ей.

— Ревнуешь?

— Какое я имею право ревновать? У самого рыло грязное. Но она также как я только для самоублажения, а домой придёт, так целомудренная супруга... Пусть гульнёт. Уверен, не придёт однажды, не скажет: «Я от тебя ухожу!» — Последние слова очень затронули душу Ольги. Появившиеся нотки вибрации в ней, выдавили влагу из глаз.

— Произошедшее меж нами тоже к этому относится? Ты считаешь, что я уже оцениваю вас?

— Нет! — Александр вложил в свои слова всю силу убеждения. — Нет! Родная моя. Это в тебе говорят чувства, которые ты испытываешь ко мне как к отцу, с которым ты хочешь поделиться теплом, нежностью. Я прав, сердце тела моего?

— Ты невероятен, мой родной папочка, ты мудрейший из известных мне мужчин. Прими нежное тепло, тело сердца моего. — Отодвинув стол от рундука, Оля опять оседлала колени отчима, повисла на его шее, подставила губы под поцелуй.

В её движениях появились еблиевые повадки, она опять отёрлась уголком рта о щеку папочки, оголённые груди налились жаркой кровью. Таз уверенно подёргивался, призывая к совокуплению. Минуту назад скорбящий о своём похотливом поступке мужчина, притянул молодую любовницу к себе.

— Покрой меня всем телом. Придави своей массой, родной.

Кряхтя, мужчина поднял девушку на руки и понёс в ничейную спальню. Положить аккуратно не получилось — уже тяжеловатая стала для немолодого папы. Член ещё не гудел подобно проводам, но и опавшим не выглядел. Олеся сразу зачупачутила пенис. Не избалованный минутом Александр, поглаживал падчерицу по голове и направил всё внимание на ласки ротиком. Хитро поглядывая ему в глаза, дочь массировала мошонку. Исходящие от неё флюиды говорили, что она сама наслаждается фелляцией.

— Родимый, первый раз ты ебал Лизу. Теперь под тобой Я, твоя воспитанница, твоя дочь, которую ты любишь СЕЙЧАС, а не в прошлом. Папочка, отпусти меня как не любил ни одну женщину, умоляю тебя, драгоценный ты мой.

Медленно введя пенис в манящее око, отчим несколько долгих секунд впитывал членом

осязания пульсирующей соками пиздёнки. Полежал на теле женщины, сильно придавив её к постели. Оля в нетерпении начала лёгкими движениями таза подмахивать. И мужчина «очнулся», задвигал тазом, совершил полную амплитуду, вторую. Дойдя до удобной частоты, почувствовал первый оргазм девушки. Оковав его конечностями, она замерла в наслаждении. Мелкие волны вагины, прогуливаясь по пенису, пытались смыть чудодейственную сперму.

— Доня, я могу опять не удержаться. Сделай как мама — сядь на меня... — Отчим настроил «Зенитку» в зенит, прелестная расселина накрыла её. — Какая же это прекрасная картина — твоя девочка покрывает моего мальчика.

— Хочешь посмотреть, как Андреев хуй первый раз исчез подо мной... ? Я мигом. — Оля прервала начавшийся акт, сбежала за планшетом. В нём, сильно зашифрованным, хранился видео фильм первого акта Андрея и Оли. — Вот с этого момента смотри.

Тощие бёдра Оли широко расставлены по бокам юношеских ног. Видны чашечки костлявых колен, острые выступы лобковой и двух тазовых костей. Камера показывает то писечку Оли, то её лицо. Личико пока не прекрасно, оно искажается искренней болью, зато не заметить, как прекрасна вульва, растягивающаяся вокруг пениса было невозможно. Член внезапно исчез. Личико, с капельками слёз, разглаживается в умилении.

— Потом досмотришь... Миленький папочка, мне самой придержать твой хуй или ты направишь?

— Сядь мне пиздой на лицо, утопи меня на хуй в своей лагуне... Да, ты хуесоска — я пиздолиз. Женщина сразу начала ёрзать промежностью по лицу отчима, очень скоро в движениях появились эпилептические подёргивания тазом. Ей хотелось встать, но только она начинала напрягать ноги, как раздражения языком клитора вновь парализовывало тело.

В конце концов, мужчина чуть не задохнулся под падчерицей. Девушка лежала боком на подушке, глаза, замутнённые экстазом, прикрыты веками.

— Доченька, ты такая вкусная... Мне пожалуйста с утра на завтрак стакан пиздятины. Я весь день буду парить над городом.

— Па, хватит... , пиздеть, давай уже доеби меня. Накорми мою девочку спермой.

И мужчина выдал. Девушка вспомнила Юрика с его космическими фрикциями.

Воспоминание о любовнике подстегнули восторг оргазмом, разом накрывший любовников.

В обед приехали Андрей и Лариса. Папа сидел в зале, где они обычно обедали если собирались вчетвером.

— Саш, как дежурство прошло? — Чуткое обоняние женщины уловило знакомый запах совокупления, да и Андрей рассказал о звонке Ольги.

— Всю ночь спал. С полпервого до семи. Я в последнее время стал как медведь, всё время сплю. Дети говорят...

Его прервала появившаяся топлесс дочь. Песчаного цвета шорты не мешали движениям таза.

— Ты что сиськи оголила? — Будто гневно спросила мать.

— Мам, я там отвыкла в бюстгальтере ходить. Решила и дома так же...

— Так хоть халатик накинь. — У Андрея получилось более грозно произнести предложение.

— Дюша, там ты не приказывал мне одеться, как все ходил голожопым.

— Сынок! Вы там ходили обнажёнными?

— Да, мам. Погляди какая она загорелая, ни одного светлого пятна... Оля! Ну не при папе же.

— Андрей вложил строгость в лживое нарекание. Но Оля уже разделась догола.

— Поглядите, родители, какая ваша дочь красавица. М-м-ма! — Она громко чмокнула маму.

— И тебя тоже поцелую. — Падчерица чмокнула огигевшего отчима, почувствовавшего резкий подъём уже дважды опорожнённого пениса.

— Оля, что ты с мужчинами делаешь? У них уже эрекция.

— Эрекция это хорошо! Хуже было бы если не реагировали на молодую голую девушку. Ого! Да ты сама возбудилась! Па, глянь на её соски — рвут лифчик.

— Да. Возбудилась. Это ты молодая, муж тебя каждый день хочет, а я...

— Ну так пойдёмте по спальням. Куй железо пока оно хуй! Па! Хватай маму и вперёд... Или ты уже её не хочешь, а мечтаешь обо мне? Гляди, мы ведь молодёжь шустрая, не успеешь опомниться, как твою жену будет... пёхать твой сын... Погляди как задышал. Что, муженёк, хочешь мамочке присунуть... ? Ой, какие блядские глазёнки. Ты посмотри на них, па.

Ольга быстро двигалась от одного родственника к другому, разбрызгивая слизь из влагалища, распространяя феромоны. Она сегодня была в ударе. Зайдя за спину матери, приподняла подол юбки, залезла под трусики, омочив пальцы соком, поднесла к губам Андрея.

— Вот испробуй, любимый, чем мама течёт. Нравится... ? Вкусно говоришь? А моя пиздятина... ? Привык уже к ней. А ты, папочка что предпочитаешь? Молодой или маминой пиздятинки... ? Молодой? А ты, мамочка не против вот этого? — Ольга расстегнула ширинку супруга, слегка помучив его, достала эрегированный пенис. — Смотри, ма! Ну ты, чо, Дюша. Другим бабам показывал хуй, а мамочке, которая тебя купала до десяти лет, не хочешь?

— Значит вот так и позволишь мамочке забрать мужа? Я ведь женщина решительная, мигом запрыгну, уже терпения нет.

— Ну и я ведь не останусь одна. Папочка, ты ведь не бросишь дочурку? Кинешь её палочку? Гляди на свою жену — она уже раздевается. О, и сынок твой возжелал. И явно не меня. За восемь то лет устал он ебать одну и ту же дырку. Давай, папочка, покажи сыну, что и ты ещё котируешься, трахни меня... Нет, давай прямо здесь, при них. Я встану так же как твоя жена. Погляди как сиськи её отлетают... Ах... , ах!

Тroe заговорщиков страстно показывали папе как они довольны. И искренне довольны. Ведь теперь можно не опасаться быть уличённым в аморальных связях. Не усыплять мужчину, а позволять ему восстанавливать потенцию.

— Предлагаю набухаться. — Как вожак стаи сказала Лариса.

Женщины сидели на коленях мужчин. Продолжая ласкать грудь падчерицы, отчим вспомнил, что, как и в случае с Лизой, сегодня он смог трижды удовлетворить женщину. Ладонь пасынка, поглаживая живот, успокаивала мамочку. Лариса положила голову на плечо пасынка, шептала о молодецком виде мужа. И правда — лицо супруга налилось лёгкой краснотой, глаза засверкали ярче.

— А в отпуск нам невозможно поехать, — продолжила Лариса, — папа всего лишь третью неделю на новой должности, у меня горит полугодовой план сбыта. Давайте на следующее лето забуримся в ваш Рыбачий, переебём всех нудистов.

— Родные мои, я и без водки пьян. Даже в молодости мне не было так хорошо, как сегодня.

— Мы не водку. Шампанское самый раз. Да, мам?